

В.А. Тишков

**Экология американских индейцев и
эскимосов**

Проблемы индеанистики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
В11

В11 **В.А. Тишков**
Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики / В.А. Тишков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 336 с.

ISBN 978-5-458-39459-8

ISBN 978-5-458-39459-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

считали, что в комплексе причинно-следственных связей «природа—общество» именно среда определяет характер культуры. Второй подход — это направление POSSIBILISMA, зачинателем которого был Ф. Боас. Его сторонники признавали за культурой определенную самостоятельность. Однако, когда мы говорим о конкретных исследованиях, не всегда возможно проводить столь строгие рамки между двумя подходами. Например, известная концепция «культурных ареалов» фактически построена на учете географических факторов, но направлена все же на выявление пределов влияния природных условий на складывание культурных обликов аборигенного населения в Америке.

В 50-х годах в американской антропологии возникло направление культурной экологии, фундамент которого составили работы Джулиана Стюарда⁶. Основным в этом направлении явилось изучение проблемы адаптации общества к окружающей среде как важнейшему «экстракультурному» фактору, влияющему на социокультурное поведение. Дж. Стюард видел главную задачу в раскрытии тех качественных трансформаций в материальных аспектах культуры, которые прежде всего связаны с производством и распределением средств существования и составляют своего рода «технологический базис», своеобразное «ядро культуры», в определении которого Стюард безоговорочно выделяет доминирующее значение материальных культурных характеристик, связанных с добыванием средств существования.

Необходимо отметить, что культурно-экологическая адаптация понимается Дж. Стюардом и его многочисленными последователями как динамический процесс, подверженный влиянию технологических изменений и общественных потребностей в ходе исторического развития. Такой подход вполне учитывает те изменения в материальной культуре и социальной организации, которые произошли, например, под влиянием контактов индейских народов с европейцами. Для этого достаточно привести пример с изменением природопользовательных комплексов и характера общественного устройства у охотничьих групп лесных и субарктических зон Северной Америки под влиянием торговли мехом.

По мере накопления информации и совершенствования методологии культурная экология расширила свое понимание окружающей среды, включив в него социокультурные параметры в виде окружающего населения, накопленных внутри общества знаний и навыков и др. Под влиянием работ известного этнолога М. Салинса исследователи более энергично обратились к изучению проблемы воздействия общества на окружающую среду, которая также подвергается определенным трансформациям в ходе адаптации. Наконец, в самые последние годы среди культурных экологов сложилось мнение, что нематериальные аспекты культуры несут важную культурно-адаптивную функцию и что невозможно объяснить явления человеческой адаптации исключительно на основе триады «среда—технология—жизнеобеспечение», которая составляла основу системы Стюарда.

Так родилось понятие «экосистема», под которой понимается гибкое взаимодействие трех основных частей — окружающей среды, технологического базиса и нематериальных регуляторов (система родства, знание и навыки и т. д.). И все же культурно-экологический подход продолжает включать изначально детерминистское толкование фактора окружающей среды и как результат — неполное выявление желаемой корреляции между внешней средой, типом жизнеобеспечения и социокультурным обликом той или иной аборигенной группы. В этой ситуации в середине 70-х годов в американской антропологии появилось новое направление — так называемая поведенческая экология, или социозэкология, представляющая собой развитие и распространение идей и методов социобиологии в область социальной антропологии⁷. Американский ученый Э. О. Уилсон предложил использовать принципы этологии и дарвиновской теории эволюции для объяснения социального поведения человека, определив суть социобиологии как распространение принципов популяционной биологии и теории эволюции на социальную организацию. Исходя из постулата, что биологическая эволюция является основой процесса социальной и культурной эволюции, Э. О. Уилсон выдвинул тезис: у человека, как вида живого организма, включая его мораль, культуру и социальные институты, есть биологические механизмы, не допускающие целей и социальных действий, противных его биологической природе. А это означает, что поведение человека — индивида, а также более сложные формы социального поведения и организации целых сообществ можно объяснить через призму биологических взаимосвязей сообществ живых организмов на основе таких принятых в этологии и популяционной генетике понятий, как «максимальный репродуктивный успех» индивида и «совокупная приспособляемость», или так называемый родственный альтруизм⁸.

Упрощенный биологический детерминизм первых работ в этой области вызвал справедливую и суровую критику научной общественности и в принципе был отвергнут антропологами. Однако дальнейшее развитие поведенческой экологии в сторону признания более высоких уровней сложности социальной организации живых организмов, в том числе коллективно-общественного, т. е. человеческих сообществ, открыло новые перспективы использования социозэкологии в антропологических исследованиях. Вместо не очень убедительных попыток выявлять групповое нормативное поведение, коррелировать на биолого-генетической основе целые социальные системы и сообщества с окружающей средой более внимательные исследователи обратились к отправной точке дарвиновского анализа эволюции — к индивиду и индивидуальной вариабельности поведения внутри популяций. По их мнению, основой поведенческой экологии являются не системные структуры, а «индивидуальные поведенческие стратегии». Именно в этом постулате многие ученые видят основу современной социобиологии⁹.

Таким образом, перенеся внимание с общества и культуры на отдельную личность как главный объект анализа, современная поведенческая экология сделала многое, чтобы избавиться от излишней упрощенности уилсоновской социобиологии. Подобные коррективы произошли и в понимании окружающей среды, и в моделировании ее влияния на людей. Практически перестало употребляться довольно расплывчатое понятие «доминирующий тип среды обитания» (*basic habitat type*) и вместо него используются понятия «структура среды» (*environment grain*), «ресурсовая предсказуемость» (*resource predictability*) и т. д. Этот путь включения переменных факторов окружающей среды в социоэкологический анализ показал себя более плодотворным в некоторых аспектах, чем жесткие экосистемные подходы. Здесь в центре внимания оказываются факторы, связанные с ключевой проблемой человеческого выживания в тех или иных условиях. Более того, было признано, что для человека особую важность составляет доступ к ресурсам, а не просто их непосредственное наличие (*crude availability*). Таким образом, признавался тот факт, что даже в строго биологическом смысле окружающая среда ограничивается или очерчивается факторами социального характера.

Поведенческая экология ныне не пытается жестко соотносить социальное поведение с общими биотическими факторами, но признает, что среда может состоять из множества значимых элементов — от климатических и ресурсно-пищевых до окружающего населения и характера родственных отношений. По мнению социоэкологов, не столь важно установить иерархию значимости этих факторов или компонентов среды, — важнее то, насколько эти факторы влияют на выживание и репродуктивный успех. Четкого выделения социальных факторов в поведенческой экологии, как и в целом в социобиологии, даже в ее самых современных вариантах, однако, нет.

Ключевым в социоэкологическом подходе сохраняется тезис, что, несмотря на пластичность и предрасположенность к культурным изменениям, поведение человека все же в своей основе адаптивно в дарвиновском понятии эволюции, т. е. направлено на повышение репродуктивного успеха индивида. Отсюда и наиболее оптимальными формами социальной организации оказываются, как правило, те, которые наиболее адаптивны, а они в свою очередь складываются как итог прямого генетического контроля и обусловленных им культурных изменений. Сохраняется и стремление строить широкие социобиологические объяснения социальных феноменов на основе биологических аналогов¹⁰. Подтверждением такого подхода явилась конференция на тему «Сравнительная социоэкология млекопитающих и человека», организованная в апреле 1987 г. в Дарэмском университете (Англия) совместно Королевским антропологическим институтом, Британским экологическим обществом и Обществом по изучению млекопитающих.

Однако не будем спешить с вынесением окончательных суждений в адрес социэкологии. Для советских этнологов, только разворачивающих экологические исследования, поднимаемые проблемы в рамках темы «природа — общество» чрезвычайно ценны, и, как отмечает И. Т. Фролов, «необходимы позитивные исследования взаимосвязи социальных и эволюционно-генетических факторов в процессе становления, индивидуального и исторического развития человека»¹¹.

В качестве примера возможного плодотворного использования социобиологии при изучении процессов взаимодействия природы и общества назовем выдвинутую недавно американскими учеными Ч. Ламзденом и Э. Уилсоном модель коэволюции или «со-развития», «со-эволюции»¹². Будучи по сути биологизаторской, модель коэволюции все же дает возможность проследить взаимосвязь человека и среды на индивидуальном уровне, когда имеет место становление биосоциальных задатков способностей и потребностей человека, и на общественном уровне, когда в развитие общества опосредованно включаются географический фактор и популяционно-генетические процессы.

В настоящий момент, видимо, важно — исходя из признания диалектики взаимодействия биологических и социальных факторов при определяющем воздействии последних — определить границы взаимовлияния и пределы биологической детерминации поведения человека. Необходимо еще раз подчеркнуть то принципиальное отличие, которое характеризует теоретико-методологические подходы советских исследователей этнической экологии коренного населения Америки. Отправным здесь является положение марксизма-ленинизма о человеке как существе общественном. К. Маркс, отмечая, что человек выступает как субъект, а природа как объект, писал не о приспособлении человека к среде, а об активном производительном ее использовании человеком: «...В процессе производства члены общества приспособляют (создают, преобразуют) продукты природы к человеческим потребностям»¹³. Таким образом, на первое место Маркс ставит производительную деятельность самого человека, характеризуя ее прежде всего как «процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»¹⁴. Именно характером производства, состоянием производительных сил и производственных отношений определяется и характер использования человеком окружающей среды.

Признавая всю значимость воздействия окружающей среды на социальную и духовную жизнь людей, невозможно отрицать тот важнейший эволюционный факт, что *Homo sapiens* является единственным видом, который сам производит средства своего существования, непосредственно воздействуя и преобразуя физическую среду путем организованной социальной деятельности. Иными словами, производительные силы и отношения производства

специфичны для человеческой адаптации и делают ее процессом, существенно отличающимся от адаптации всех других видов в природе. Только *Homo sapiens* из всего живого на земле достиг такой адаптации, путем которой его популяция превращает материал природы в продукты, необходимые для существования, и социальные отношения которой не запрограммированы генетически, передаются из поколения в поколение и отражают отношение к участию в процессе производства.

Выдающийся советский генетик академик Д. К. Беляев справедливо отмечал, что движущей силой человечества с тех пор, как возникло общество, служит уже не биологическая эволюция, а процессы исторического развития общества. «Социальная дифференциация человеческого общества и его социальная структура определяются местом человека в общественном производстве, отношением людей к средствам производства и характером производственных отношений в целом. Бессмысленно искать какие-либо аналогии социальных отношений людей в поведенческих характеристиках и структуре животных сообществ... Если все живое развивается в системе двух составляющих — наследственности и среды — в их взаимодействии, то для человека как личности надо добавить третий элемент, а именно самого себя, свое собственное «эго» с индивидуальным миром духа, чувств, мыслей, страстей, поведения и собственных решений»¹⁵.

Вышеизложенные методологические позиции дают достаточно широкий простор для самого разнообразного научного поиска в области изучения конкретно-исторических ситуаций. Как показывают материалы настоящего сборника, особо ошутимое воздействие экологические факторы оказывали на наиболее ранних стадиях формирования аборигенных народов в Америке. Реконструкция древних биоценозов и климатов Нового Света с привлечением данных палеозоологии, палеоботаники, геологии и климатологии дает новые возможности для интерпретации процессов расообразования и истории заселения континента, для более углубленной трактовки древних культур.

Хотя возникновение производящего хозяйства в Америке не только было обусловлено природными изменениями на рубеже плейстоцена и голоцена, а явилось закономерным итогом развития общества, тем не менее зависимость «неолитической революции» от экологических причин выступает здесь с большей наглядностью и вероятностью, чем в Старом Свете. Экологические изменения происходили по всему континенту и отчасти способствовали возникновению очагов производящего хозяйства, точнее — комплексного хозяйства, сочетавшего производящие и присваивающие отрасли. Первые следы культивации растений и domestikации животных в Мезоамерике и в Андах (VII—VI тысячелетия до н. э.) следуют за вымиранием многих крупных плейстоценовых млекопитающих, на которых охотились палеоиндейцы.

Понимая всю первостепенную значимость социальной дея-

тельности людей в определении основных тенденций и этапов всемирно-исторического процесса, необходимо также признать, что сами по себе социологические законы общественных взаимодействий недостаточны для объяснения всего многообразия культурного облика аборигенных народов Америки. Различные типы среды обитания (арктическая тундра, тайга, прерии, тропические леса и т. д.) определили разнообразие материального производства в разных экологических средах, возникновение и границы распространения культурно-хозяйственных типов. Огромные в пространственном отношении древние культурно-хозяйственные общности уже по мере развития производительных сил в конкретных природных условиях распались на более мелкие, обусловив у одних народов распространение земледелия и скотоводства, у других — присваивающих форм экономики.

Изучение конкретных условий обитания индейских этносов позволяет выявить их влияние не только на весь комплекс материальной культуры, но и через него — на формирование некоторых бытовых явлений, привычек, норм, системы ценностных ориентаций. Последняя лежит в основе духовной культуры американских индейцев, т. е. в основе моральных и этических представлений, выраженных очень часто в специфических формах религиозных идеологий. Народное искусство, особенно песня и танец, прикладное искусство, традиционная архитектура индейцев практически всегда тем или иным образом связаны с природой, которая либо служит источником вдохновения, либо сама определяет какие-то элементы духовного творчества.

Традиционная культура индейцев неизменно вызывает восхищение исследователей совершенством механизмов адаптации к среде обитания, умением сохранять длительный баланс во взаимоотношениях со средой путем главным образом осуществления природоохранных мер. Хорошо известны системы строгого ограничения времени, места и масштабов охоты на животных, сбора растений. Индейцы считали недопустимым необоснованное уничтожение зверя или причинение ему вреда. Особо жесткие ограничения и запреты касались крупных промысловых животных. При охоте, рыбной ловле, сборе диких плодов, уходе за растениями (дикими и культурными) и домашними животными индейцы руководствовались правилами, которые по существу основаны на знании биологических циклов животных популяций, повадок животных, вегетационных циклов растений и тех пределов, в которых уничтожение особей того или иного вида не препятствует его воспроизводству.

Проблема воспроизводства жизнедеятельности людей и их исторических сообществ как процесса, находящегося в прямой зависимости от воспроизводства главных компонентов живой природы, нашла отчетливое отражение в общественном сознании первобытных и раннеклассовых коллективов. Это отражение причинно-следственных связей между характером, уровнем, способом включения ресурсов живой природы в цикл воспроизводства

хозяйственной деятельности человеческих коллективов и происходящими отсюда изменениями в циклах воспроизводства растений и животных по существу было отражением адекватным, но иллюзорным и мистифицированным по форме. Однако общественное сознание индейцев являлось не пассивным и созерцательным: оно эффективно регулировало отношения людей с миром природы; действуя посредством устойчивых норм морали и религиозных форм регламентаций, жестко закрепленных традицией.

Можно было бы привести много примеров проявления сложного этического, ритуального и мифологического комплекса, определяющего поведение коренных жителей Америки по отношению к природной среде. В доклассовых и раннеклассовых индейских обществах любые табу и предписания в связях с природой были обоснованы исключительно мифологией. В сознании индейцев и эскимосов эти правила диктовались необходимостью сохранения жизни и здоровья общества и индивида перед лицом населяющих окружающий мир сверхъестественных сил. Таким образом, для аборигенов Америки ритуально-мифологический и хозяйственный аспекты взаимоотношений с окружающим миром были нерасчленимы, т. е. взаимоотношения человека со средой отразились в мифологии и обрядности, а религиозные и мифологические представления в свою очередь стали мощными и эффективными регуляторами норм хозяйственной деятельности.

Отмечая высокую степень развития адаптационно-адаптирующего комплекса в культуре индейских этносов, нельзя в то же время идеализировать культурную адаптацию аборигенных обществ. Специалисты справедливо отмечают, что на начальных этапах развития производительных сил и человеческих знаний культурная адаптация редко оказывалась совершенной. Это проявлялось как в неполном или нерациональном использовании всех возможностей жизнеобеспечения, предоставляемых природной средой, так и в неполной защите от неблагоприятных воздействий этой среды¹⁶. Неполнота адаптации, проявления негативных, разрушительных сторон экологических связей объяснялись не только такими фундаментальными факторами, как уровень развития производительных сил или необходимость освоения огромных территорий континента с самыми разными природными условиями. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что рациональность и совершенство в человеческом опыте — чаще всего результат проб, ошибок и отбора, предполагающие диалектическое наличие элементов и проявлений иррациональности в сфере культуры. Эта иррациональность вполне естественно находила свое проявление и в отношениях индейцев с окружающей средой. Поэтому попытки некоторых американских историков и этнографов представить индейцев исключительно как «подлинных защитников природы» или как «первых экологов Америки»¹⁷ нуждаются в серьезных коррективах.

Но что бесспорно, так это уникальная значимость экологического опыта, накопленного аборигенами Америки в процессе

длительной эволюции, не только для современного существования индейских народов, но и в целом для человечества, столкнувшегося во второй половине XX столетия с целым комплексом глобальных экологических проблем. Этот опыт был в свое время жестоко деформирован и во многом разрушен европейской колонизацией, а затем утвердившейся на значительной части континента технократической цивилизацией современного капитализма, в которой аборигенному населению не нашлось достойного места. В результате колониальной экспансии и угнетения в прошлом, осуществления современных программ хозяйственного освоения исконных индейских территорий в странах Америки оказались нарушенными многие из традиционных методов ведения хозяйства, уничтожена сама среда, обеспечивавшая жизненные условия индейских этносов. Вот почему проблемы окружающей среды, понятие «жизнеобеспечение» сегодня оказались в центре экономических, политических и духовных устремлений коренных народов Америки, получили особое ценностно-идеологическое звучание в борьбе индейцев и эскимосов за свои права.

- ¹ Об этом см.: *Дудина Н. Е.* К. Маркс и Ф. Энгельс о взаимодействии общества и природы // Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия / Отв. ред. М. П. Ким. М., 1981.
- ² Анализ более общих методологических подходов см.: Горизонты экологического знания: Социально-философские проблемы / Отв. ред. И. Т. Фролов. М., 1986.
- ³ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 245.
- ⁴ *Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. № 1. С. 8.
- ⁵ *Marsh G. P.* Man and nature: Or physical geography as modified by human actions. N. Y., 1864. Через два года книга вышла в русском переводе: *Марш Г.* Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.
- ⁶ О нем см.: *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 219—242, а также: *Енгибарян С. Е.* Экологическое направление в американской культурной антропологии // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980.
- ⁷ Критический анализ социобиологии см.: *Керимский А. М.* Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. М., 1984. *Никольский С. А.* Социобиология — биология человека? // Буржуазная философская антропология XX века / Отв. ред. Б. Т. Григорьян. М., 1986.
- ⁸ *Wilson E. O.* Sociobiology: The new synthesis. Cambridge (Mass.), 1975. P. 3.
- ⁹ *Foley R.* Anthropology and behavioural ecology // Anthropol. Today. 1986. V. 2, N 6. P. 14.
- ¹⁰ *Barash D. P.* Human reproductive strategies: A sociobiological overview // The evolution of human social behavior. N. Y., 1980.
- ¹¹ *Фролов И. Т.* Социология и этика познания жизни человека // Природа. 1982. № 9. С. 37.
- ¹² Оценку теории коэволюции см.: *Никольский С. А.* Указ. соч. С. 184—186.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 714.
- ¹⁴ Там же. Т. 23. С. 188.
- ¹⁵ *Беляев Д.* Генетика, общество, личность // Коммунист. 1987. № 7. С. 90—93.
- ¹⁶ *Козлов В. И.* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁷ *Jacobs W. R.* The great despoliation: Environmental themes in American frontier history // Pacif. Hist. Rev. 1978. V. XLVII, N 1. P. 5; см. также: *Hughes J. D.* American indian ecology. El Paso, 1983.

В. А. Тишков

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ АМЕРИКИ

ЗОНАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАСООБРАЗОВАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ АМЕРИКИ

В. П. Алексеев

В 1921 г. академик В. Л. Комаров обратил внимание на закономерности меридионального распространения организмов, т. е. на сходные вариации в пределах родственных таксонов, проявляющиеся в соответствии с долготой¹. К сожалению, итоги исследования были опубликованы в виде кратких тезисов, и в дальнейшем выводы автора не получили развития ни в ботанической, ни в зоологической литературе. Антропологи рассматривали сам принцип аazonального расообразования, пытались его приложить к своему материалу, но не смогли привести достаточно убедительные доказательства тому, что аazonальное расообразование играло сколько-нибудь серьезную роль в процессах формообразования на протяжении истории вида *Homo sapiens*².

Почти одновременно с тезисами В. Л. Комарова была опубликована работа академика Л. С. Берга о биполярном распространении организмов³, позже расширенная и опубликованная в более полном виде⁴. В отличие от В. Л. Комарова, опиравшегося в основном на ботанические данные, Л. С. Берг пользовался зоологической информацией, в частности в связи со своей основной специальностью использовал данные о географическом распространении рыб. Концепция Л. С. Берга сводилась к тому, что биполярное распространение организмов, проявляющееся в наибольшей степени в умеренных зонах южного и северного полушарий, представляет собой следствие отражения результатов длительного существования ледниковой эпохи в развитии органического мира. Одним из таких результатов было повсеместное похолодание тропического пояса, позволившее осуществиться миграциям южных форм на север и наоборот. Окончание ледниковой эпохи привело к прекращению этого обмена фаунами, и вследствие резкого потепления тропического пояса способствовало вытеснению холодолюбивых форм из тропиков на южную и северную периферии и закреплению прерывистых биполярных ареалов многих видов. Зональный принцип в формообразовании нашел в явлении биполярности блестящее подтверждение.

Вне зависимости от этих биологических наблюдений тот же принцип был продемонстрирован на основе анализа антропологических данных о коренном населении Америки. М. Ньюман поставил своей целью проверить, в какой мере могут быть распространены на человека так называемые экологические правила⁵. Он использовал вариации длины тела, размеров головы (сумма горизонтальных диаметров) и размеров лица (сумма высоты лица и скуловой ширины) в индейских популяциях. В анализ были включены данные о ныне живущем населении, нанесенные на географическую карту. Карты всех признаков достаточно показательны — минимальные вариации падают на Центральную Америку, на север и на юг они увеличиваются. Из этого был сделан справедливый вывод о возможности распространения на человека известного экологического правила Бергмана, согласно которому северные и южные формы отличаются более крупными размерами по сравнению с тропическими.

Автор настоящей статьи обратился к принципу биполярности для объяснения морфологического сходства эскимосов и огнеземельцев⁶. Морфологические комплексы, характерные для обеих групп, рассматривались как биполярные расы, не имеющие, правда, общего происхождения, а образовавшиеся в процессе адаптации к суровым условиям американской Арктики и Огненной Земли. Аргументировалась и противоположная точка зрения, в соответствии с которой предков эскимосов и огнеземельцев связывает изначальное антропологическое родство, в обеих группах представлен палеоамериканский комплекс признаков, вытесненный из других районов более поздними мигрантами и сохранившийся лишь на арктической и антарктической окраинах⁷. На пути принятия этой точки зрения стоят различия между эскимосами и огнеземельцами по вариациям генетических маркеров⁸, а также отчетливо выявленное морфологическое и генетическое тяготение эскимосов к североазиатским популяциям⁹.

При рассмотрении эскимосов и огнеземельцев в качестве биполярных рас был затронут в целом вопрос о зональном расообразовании. Для иллюстрации составлена и опубликована карта вариаций носового указателя на территории обеих Америк, опирающаяся на близкий к современности краниологический материал. По мере увеличения находящихся в нашем распоряжении материалов карта усложнялась¹⁰, но не менялась по существу: более широконосые формы сосредотачиваются в центральных районах, к северу и югу величина носового указателя уменьшается. И. Швидецкая, опираясь на неоднократно публиковавшиеся коэффициенты корреляции ширины носа и носового указателя со среднегодовой летней и зимней температурой, установила специальное специфическое, свойственное только человеку экологическое правило Томсона—Бакстона¹¹, согласно которому широконосые формы концентрируются преимущественно в тропиках, на юг и на север от тропического пояса ширина носа и